

КОМПОЗИЦИОННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. КОРСАКА «ПЛЕН»

К.І. КОВАЛЕНКО. КОМПОЗИЦІЙНО-ЕСТЕТИЧНА СВОЄРІДНІСТЬ АВТОБІОГРАФІЧНОГО ТВОРУ В. КОРСАКА «ПОЛОН».

Жанрове позначення твору є його текстовим маркером, оскільки для автора жанр слугує свого роду каноном або творчою моделлю, що являє сукупність основних (ядерних) компонентів, які є характерними та відтворюваними у структурі різноманітних текстів одного жанру. Однак використовуючи «жанровий потенціал» при створенні твору, кожний автор надає йому індивідуальний характер. У статті розглядається композиційно-естетична своєрідність мемуарної повісті «Полон» В. Корсака.

Композиція виступає формою структурного відображення й розвитку теми, яка поділяється на внутрішню та зовнішню. Композиція, як відзначає Н.А. Ніколіна, «є прояв значущої переривистості у неперервності». Таким чином, своєрідність лінгвістичного підходу до дослідження композиції тексту виявляється при розгляді категорій членимості та зв'язаності. До чинників членимості композиції належать: графічне виділення частин; композиційно-мовленнєва форма викладення; тип інформації, що передається; роль інформації у тексті, який розгортається. Зазначені чинники формують різні види членування: об'ємно-прагматичне, структурно-сміслове та контекстно-варіативне. Два останніх види членування – явища у значній мірі суміжні. У статті ми розглядаємо внутрішню композицію мемуарного твору, що досліджується у межах теорії контекстно-варіативного членування.

Ключові слова: композиція, контекстно-варіативне членування, мемуарний композитив, мовленнєва маска.

Е.И. КОВАЛЕНКО. КОМПОЗИЦИОННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. КОРСАКА «ПЛЕН».

Жанровое обозначение произведения является его текстовым маркером, поскольку для автора жанр служит своего рода каноном или творческой моделью, представляющей совокупность основных (ядерных) компонентов, характерных и воспроизводимых в структуре различных текстов одного жанра. Однако, используя «жанровый потенциал» при создании произведения, каждый автор придаёт ему индивидуальный характер. В настоящей статье рассматривается композиционно-эстетическое своеобразие мемуарной повести «Плен» В. Корсака.

Композиция выступает формой структурного отражения и развития темы, которая делится на внутреннюю и внешнюю. Композиция, отмечает Н.А. Николина, «есть проявление значимой прерывистости в непрерывности». Таким образом, своеобразие лингвистического подхода к исследованию композиции текста обнаруживается при рассмотрении категорий членимости и связности. К факторам членимости композиции относятся: графическое выделение частей, композиционно-речевая форма изложения, тип передаваемой информации, роль в семантическом развёртывании содержания текста. Данные факторы формируют разные виды членения: объёмно-прагматическое, структурно-смысловое и контекстно-вариативное. Два последних вида членения – явления в значительной степени смежные. В статье мы рассматриваем внутреннюю композицию исследуемого мемуарного произведения в рамках теории контекстно-вариативного членения.

Ключевые слова: композиция, контекстно-вариативное членение, мемуарный композитив, речевая маска.

E.I. KOVALENKO. COMPOSITIONAL-AESTHETIC PERSONALITY OF THE AUTOBIOGRAPHIC WORK OF V. KORSAK "CAPTIVITY".

The genre designation of a work is its text marker, since for the author a genre serves as a kind of canon or creative model, representing a set of basic (nuclear) components that are characteristic and reproduced in the structure of various texts of the same genre. However, using the "genre potential" when creating a work, each author gives them an individual character. This article examines the compositional and aesthetic originality of the memoir "Captivity" by V. Korsak.

The composition acts as a form of structural reflection and development of the theme, which is divided into internal and external. Composition, notes N.A. Nikolina, "there is a manifestation of significant discontinuity in continuity". Thus, the originality of the linguistic approach to the study of the composition of the text is revealed when considering the categories of articulation and coherence. The factors of composition articulation include: graphic selection of parts, compositional speech form of presentation, type of transmitted information, role in the semantic deployment of the text content. These factors form different types of division: volumetric-pragmatic, structural-semantic and context-variable. The last two types of division are largely related phenomena. In our article, we consider the internal composition of the investigated memoir work in the context of contextual-variable articulation.

Key words: composition, context-variable articulation, memoir compositive, speech mask.

При осуществлении контекстно-вариативного членения текста художественного произведения в первую очередь принято разграничивать в нем два речевых потока – речь автора и речь персонажа, в основном формирующие повествовательную структуру. Структура повествования, или нарративная структура, определяется В.В. Виноградовым как «система речевых структур персонажей в соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчицами» [1, с. 118].

Сигналами **речи автора** в большинстве случаев являются классические композиционно-речевые формы: **повествование, описание, рассуждение**. Наши наблюдения позволяют утверждать приоритетность повествования как основного движущего механизма сюжета в мемуарах. Именно повествование во многих случаях служит своеобразным фоном для вплетения в него контекстов с описанием и рассуждением, в связи с чем можно разграничить разные типы мемуарного повествования.

Среди основных особенностей мемуарного текста исследователи отмечают ярко выраженный ретроспективный характер когнитивной деятельности автора-мемуариста. Именно этот признак мемуарной прозы обуславливает «расслоение» писательского «эго» на две ипостаси, раздвоение личностной позиции автора на «я прошлое» (участника событий) и «я настоящее» (наблюдателя).

Обозначенное качество мемуарного текста обусловило и появление в мемуаристике особого типа повествователя (нарратора). В частности, для мемуаров характерен так называемый «диегетический нарратор», характеристику которого находим у В. Шмида: «Диегетическим будем называть такого нарратора, который повествует о себе самом как о фигуре в диегесисе. Диегетический нарратор фигурирует в двух планах – и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект)» [7, с. 81]. Повествователь в мемуарах, таким образом, не противопоставляется биографическому автору, а превращается в одну из его речевых масок, главной функцией которой выступает непосредственное самовыражение автора как определенной языковой личности, обладающей конкретной биографией.

Использование автором типологических приёмов мемуарного жанра в сочетании с индивидуально-авторскими, как и в любом прозаическом произведении, создаёт основу для соотношения сфер повествователя в прошлом и настоящем, что обуславливает неоднородность повествовательной структуры мемуарного текста: «на первый план в тексте либо выступает повествователь, вспоминая прошлое, либо передается непосредственный «голос» повествователя в детстве или юности, наконец, может устанавливаться динамическое равновесие обоих взаимодействующих планов» [4, с. 134].

В мемуарной повести В. Корсака «Плен» описываются события с ноября 1914 года до начала 1917 года (текстовое время, прошлое автора); создание же мемуаров датируется 1927-им годом (реальное время, настоящее автора). В зависимости от соотношения фигуры адресанта с

текстовым и реальным временем можно выделить четыре основные ипостаси автора исследуемого мемуарного текста, отражённые в его повествовательной структуре: 1) **повествователь** (рассказчик, хроникёр), создающий текст и «управляющий» его временем; 2) **персонаж**, принимающий непосредственное участие в описываемых событиях; 3) **комментатор**, описывающий события с «сегодняшней» точки зрения, оценивающий, сознающий и интерпретирующий; 4) **исследователь**, подтверждающий достоверность своих воспоминаний отсылками к документам, письмам и т. п.

Выделенные ипостаси автора-мемуариста в тексте произведения могут выступать как в «чистом» виде, так и взаимодействовать между собой. В повествовательной структуре это находит отражение в смене различных композиционных блоков. Вслед за Н.А. Орловой будем использовать термин «**мемуарный композитив**» – «связный тематический компонент текста, который соответствует одному или нескольким воспоминаниям, обладает смысловой и синтаксической целостностью и отграничен от остальных фрагментов графически» [6, с. 149]. Для анализа композитивов в исследуемых мемуарных текстах мы будем обращаться к классификации, также предложенной Н.А. Орловой, которая выделяет в структуре мемуарного текста **нарративные (повествовательные) композитивы, дескриптивные (описательные) композитивы и экспликативные (композитивы-рассуждения)**, а также **автосемантические композитивы** (цитация писем, документов и т. п.) [6, с. 159].

События прошлого описываются **мемуаристом-рассказчиком** в исследуемом варианте повествования при помощи *видовременных форм глаголов прошедшего времени*, что связано с ретроспективным характером мемуарной прозы. Такие **повествовательные (нарративные) композиционные блоки** делятся на две разновидности.

Первая разновидность включает констатирующие сообщения о фактах, произошедших в жизни мемуариста. Языковыми маркерами таких сообщений являются глаголы прошедшего времени совершённого вида с результирующим значением, лексические показатели времени, в том числе даты. Ср., например: «**Въ самомъ концѣ іюня 1914 года, я былъ призванъ на дѣйствительную службу. <...> На 30 октября 1914 года я былъ назначенъ дежурнымъ офицеромъ по полку**»¹ [3, с. 7]; «**Черезъ часъ-полтора полкъ двинулся въ дорогу. Пройдя съ полчаса, онъ остановился на перепутьѣ, у старого креста. Здѣсь вынули карты, и каждому батальону былъ указанъ его участокъ**» [3, с. 9].

Вторая разновидность повествовательных контекстов представляет собой собственно нарративные контексты, в основе которых лежит изображение яркого воспоминания об одном событии: «**Курили какъ то у насъ въ комнатѣ, и не у двери, вопреки обычаю, а у радиатора. Дрожилевскій сделалъ свою послѣднюю затяжку и передалъ папиросу слѣдующему. Въ этотъ моментъ вошелъ Вальтеръ. Дрожилевскій первый увидѣлъ его, но предупредить остальныхъ не могъ: <...>**» [3, с. 70].

Приведённые примеры нарративных контекстов показывают, что в их содержательной структуре мемуарист может выступать, с одной стороны, как участник событий, и тогда для этих контекстов характерно совмещение субъективной точки зрения рассказчика и персонажа. С другой стороны, мемуарист может выступать как свидетель событий и в данном случае не фигурирует как персонаж нарратива.

Мемуарное повествование произведения «Плен» относится к причинно-следственному типу организации повествования, поскольку в нём в подавляющем большинстве события изображаются во внешней детерминированности, группируются в естественной последовательности, не нарушаемой произволом автора. Но некоторые фрагменты текста представляют собой ахронии (ретроспекции и проспекции), выступающие приметами ассоциативно-хронологического типа организации повествования: «**Передъ всадникомъ очутился Арцышевичъ. Нѣмецъ <...> нанесъ страшный ударъ Арцышевичу въ область сердца. <...>**

Вскорѣ, послѣ прибытія въ Германію, Арцышевичъ почувствовалъ сильныя боли въ сердцѣ, стала показываться кровь горломъ, развилась нейрастенія» [3, с. 24 – 25]; «**Этотъ**

¹ При цитировании анализируемого произведения сохранена оригинальная орфография, в ряде случаев отличающаяся от орфографических норм современного русского языка.

разговор напомнил мнѣ, какъ мы съ Арцышевичемъ, незадолго до боя видѣли въ одной деревнѣ солдата съ винтовки черезъ плечо <...>» [3, с. 34].

Ретроспективный характер имеют воспоминания автора о давнопрошедшем. То есть, повествуя о событиях, пережитых с ноября 1914 года до начала 1917 года, автор вспоминает о событиях и фактах, произошедших перед ноябрем 1914 года (например, в детстве или накануне описываемых событий): *«На одинъ мигъ увидѣлъ мать. Припомнилось наше прощаніе. <...> Мои воспоминанія неожиданно были прерваны Арцышевичемъ» [3, с. 30].*

Некоторые из таких воспоминаний представлены в тексте как ассоциативные. Стимулом для них является услышанное, прочитанное или увиденное автором в прошлом – ср., например: *«Этотъ разговоръ напомнилъ мнѣ, какъ мы съ Арцышевичемъ незадолго до боя видѣли въ одной деревнѣ солдатъ съ винтоакой черезъ плечо <...>» [3, с. 34]; «Они забыли на минуту голодь, забыли все и смѣялись, какъ дети. При этой картинѣ мнѣ вспомнился одинъ знакомый монашекъ» [3, с. 39].*

Рассмотрим случаи перемещения плана мемуариста-рассказчика в сферу мемуариста-персонажа. Некоторые ситуации прошлого (или их часть) могут интерпретироваться как актуально-значимые, вновь переживаемые, отсюда употребление *временных форм настоящего исторического*. В исследуемом мемуарном тексте выявлен единичный фрагмент такого рода: *«<...> я приближался къ моему дѣтству. Одна картина въ немъ удержала мое вниманіе: я увидѣлъ свою гувернантку-нѣмку и рядомъ съ нею самого себя: мы идемъ по дорогѣ и говоримъ по-нѣмецки» [3, с. 20].*

Вспоминая о прошлом, в некоторых фрагментах текста повествователь перевоплощается в себя же в тот временной отрезок, о котором идёт речь, и воссоздаёт образы непосредственного восприятия, перемещаясь в план персонажа. К речевым средствам, создающим эффект непосредственного восприятия (приём представления) относятся: употребление частицы «вот», устанавливающей дейксис представления; использование глаголов, обозначающих «наблюдаемые» действия; употребление прилагательных с семой «странный»; а также предлогов, местоимений и наречий, указывающих на конкретную пространственную точку зрения очевидца событий; номинативов, связанных с планом настоящего; временных смещений, вопросов, уточняющих характер ситуации.

В исследуемом мемуарном тексте автором часто используется приём «остранения», который является результатом взаимодействия планов повествователя и «непонимающего персонажа»: *«Черезъ нѣсколько минутъ журчащій звукъ послышылся сверху; потомъ секунда молчанія. Я выглянулъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Черезъ мгновение донесся страшный взрывъ въ два такта. Тяжелый снарядъ попалъ въ скотный дворъ» [3, с. 15]; «На разсвѣтѣ одного изъ ближайшихъ дней меня разбудилъ какой-то шумъ. Я оглянулся – у полки съ тазами шевелились двѣ фигуры – черная и сѣрая. Черный – былъ караульный, а сѣрый – русскій солдатикъ» [3, с. 56].*

В некоторых фрагментах текста передается непосредственный «голос» персонажа, звучащий в описываемый период прошлого. В большинстве случаев он представлен формами внешней и внутренней речи персонажа. При этом внешняя речь маркирована формами прямой речи (произнесённой):

«– Не могу смотрѣть, какъ они пьютъ, – говорилъ Саламатинъ, – <...> – а глядѣть тошно.

– И мнѣ тоже, – сознался я.

– Когда они тамъ угощаются, я, какъ на иголкахъ сижу. <...>

– Я думаю въ другую комнату перейти, – выдалъ я свою мысль» [3, с. 138].

В процессе проведения анализа нами выявлены формы внутренней речи персонажа, представленные небольшими по объёму текстовыми вкраплениями несобственно-прямой речи: *«Вдругъ озарила мысль – вѣдь можно покончить съ собой» [3, с. 18]; «<...> передъ нами лежало печальное будущее, совершенно неизвѣстной длины. Чѣмъ заполнить его?» [3, с. 67];*

«На этихъ стѣнахъ остались невидимыя письма горя, голода и отчаянія. Прочтеть ли ихъ кто-нибудь и когда-нибудь?» [3, с. 235].

Конструкции внутренней речи, в которые включаются разного рода вопросы, с нашей точки зрения, указывают на автокоммуникативность, отражая в данном случае ретроспективные мысли автора-персонажа.

Очень важное назначение имеют в мемуарном тексте **описательные (дескриптивные) композиционные блоки**, в большинстве случаев представляющие собой результат взаимодействия планов рассказчика и персонажа, поскольку описания в мемуарных произведениях зачастую имеют субъективно-оценочный характер. Описания предназначены прежде всего для характеристики признаков объекта: это могут быть характеристики явлений природы, предметов, лиц, окружающей обстановки и т. д., в связи с чем особенностью их конструкции является ведущая роль пространственных отношений в организации текста – в противоположность временным отношениям в нарративе.

В повествовательной повести В. Корсака «Плен» представлено большое количество описаний как внешности людей, так и их характеров, повсеместно встречающихся в композиционно-структурном рисунке текста. Многие из них содержат большое количество средств художественной выразительности: *«Умиротворяющимъ элементомъ среди насъ выступалъ тогда поручикъ Суражевскій. Ему въ большей степени было врожденно чувство мѣры и спокойное отношеніе къ вещамъ; умѣло, необходимо, онъ успокаивалъ всякаго, слишкомъ далеко зарывавшегося въ политику или войну. Вообще же, онъ былъ веселаго нрава и любилъ смѣшить окружающихъ. <...> Ему завидовали, особенно Саламатинъ, самый здоровый среди насъ тѣлесно и душевно»* [3, с. 64].

В анализируемом повествовательном дискурсе представлены немногочисленные контексты с описаниями природы: *«Весна была уже во всѣхъ своихъ правахъ. Все цвѣло; деревья въ саду покрылись нѣжнымъ бѣло-розовымъ облакомъ. Пчелы и шмели тыкались въ раскрытыя чашечки цвѣтовъ; молодая листва съ каждымъ днемъ становилась гуще; на лугахъ стѣнной поднималась свѣжая трава. Все было радо солнцу, теплу и веснѣ. Даже самъ Везеръ повеселѣлъ, отражая синее небо и тонкія паутинные облачка»* [3, с. 105].

Наряду с этим повсеместно встречаются контексты с описаниями окружающей обстановки: *«Комната была довольно большая: направо и налево, вдоль деревянныхъ переборокъ стояло 7 кроватей. Между двумя большими окнами, у стѣны, находился радиаторъ, передъ каждымъ окномъ – по небольшому столу. Надъ ними висѣли электрическія лампочки»* [3, с. 51].

В приведенных выше примерах представлены статические описания: глаголы в них не выражают активного действия, они либо обозначают месторасположение в пространстве, либо свойства предмета. Динамическое описание может основываться на глаголах активного действия, однако, это действия, не совершаемые во времени, а действия, характеризующие лицо, предмет. В исследуемом мемуарном произведении такие контексты представлены повсеместно. Они преимущественно служат средством описания лагерного быта: *«Я вставалъ рано и, если была хорошая погода, съ книгой уходилъ въ садъ. Тутъ, на ходу, я занимался и читалъ. Около 9 часовъ въ форточкѣ показывалась голова Выготскаго. Онъ кричалъ, что чай готовъ. Я поднимался, и мы выпивали по двѣ кружки чая съ хлѣбомъ»* [3, с. 146].

Вышеперечисленные приемы и средства репрезентации планов повествователя, персонажа и образа «я» ориентированы на актуализацию прошлого. При этом очевидно и явное присутствие в произведении В. Корсака «Плен» плана авторского настоящего, воплощаемого посредством *самоперебивов, комментариев, коррекций своих воспоминаний* и т. п., которые являются приметами речевой маски **комментатора**: *«За девять мѣсяцевъ до этого событія, въ ночь съ 1 на 2 февраля (я запомнилъ дату потому, что въ этотъ день покончилъ съ собой одинъ знакомый)»* [3, с. 19]; *«Исторія его женитьбы, рассказанная имъ самимъ, ходила по всему лагерю. Я не знаю этой исторіи, на мою просьбу рассказать ее, мнѣ отвечали смѣхомъ <...>»* [3, с. 128].

Установка на актуализацию воспоминания делает приметой мемуарного жанра повторяющиеся *лексические единицы с семой «память»*: *помню, помнится, не забуду, как сейчас вижу* и т. п., которые вводят описание какой-либо реалии, факта или ситуации в прошлом. Данные языковые средства сигнализируют о взаимодействии речевой маски комментатора и маски повествователя: *«Звали его Григоріємъ; фамилію, къ сожаленію не помню»* [3, с. 56]; *«Мнѣ вспоминается его высокая, худая фигура съ золотистыми волосами и веснуцатымъ лицомъ»* [3, с. 61]; *«Всего содержанія письма не помню, но въ памяти осталась фраза: <...>»* [3, с. 119]; *«<...> что вышло изъ хлопотъ Серова – я не знаю. Но мнѣ вспоминается другой фактъ: <...>»* [3, с. 234].

В исследуемом мемуарном тексте нами выделены фрагменты, маркированные *иронической экспрессией*, которая возникает в результате несовпадения точек зрения повествователя в прошлом и настоящем: *«Предстоящая война казалась чѣмъ-то, вродѣ увеселительной прогулки, съ ночевками въ полѣ. Это даже было привлекательно послѣ продолжительной городской жизни. Все же остальное пряталось въ неизвестномъ будущемъ»* [3, с. 7]; *«– Аккуратность и точность на половину сокращаютъ неудачи жизни, – говоришь онъ. Эти слова казались мнѣ противной мудростью слабыхъ, пока, увы, я силой вещей, самъ не дошелъ до этого же»* [3, с.147].

К плану повествователя в настоящем следует отнести и **авторские рассуждения (экспликативные композиционные блоки)**, имеющие вневременной характер, которых в исследуемом произведении выявлено не было. Представленные в тексте рассуждения относятся к плану прошлого автора, то есть, связаны с планом персонажа. Как показывают наши наблюдения, в субъектно-ориентированных текстах рассуждения либо не встречаются вовсе, либо представлены единичными контекстами, что, с нашей точки зрения, закономерно. В объектно-ориентированных мемуарных текстах экспликативные композитивы употребляются повсеместно.

Особое значение в репрезентации речевой маски комментатора отводится *метатекстовым элементам, толкованиям слов*. Ср., например: *«Такъ начался мой первый день въ лагерѣ, официальное названіе котораго было: «Offizier Kriegsgefangenen Lager, Han-Münden». Частица «Han» означала, что лагерь находится въ провинціи Hannover»* [3, с. 52]; *«На самомъ видномъ мѣстѣ находился Stube-Aelteste – старшій по комнатѣ»* [3, с. 73].

В приведённых текстовых фрагментах лингвистически зафиксирована когнитивная деятельность памяти автора, мыслительные операции, в результате которых формируется и получает завершение мемуарное произведение.

Контекстно-вариативное членение мемуарных текстов позволяет выделить в них ещё одну разновидность мемуарного композитива – **автосемантические отрезки текста** [2], представляющие собой вставные конструкции в виде писем, стихов, документов очевидцев, чужих рассказов, сообщений, слухов и т. п. Некоторые издания мемуарного характера обязательно снабжаются фотографиями, портретами, картами и т. п., которые также подтверждают достоверность представленного в них материала. Такие контексты служат средством репрезентации речевой маски **автора-исследователя**.

В мемуарной повести «Плен» повсеместно встречаются **отсылки к письмам, документам, газетным статьям**. Нами выделено 4 контекста с элементами писем, представленных в форме прямой цитации – например: *«Оставшись одинъ, я вскрылъ конвертъ (письмо от Хтова – К.Е.). <...> «... Ко мнѣ подходятъ большія минуты, когда не лгутъ ни себѣ, ни другимъ. <...> Жму руку...»* [3, с. 120 – 122].

Отсылки к документам (договоры, уведомления, телефонограммы, прокламации и т. п.) встречаются в 8 контекстах. Кроме того, 7 из выделенных элементов чужой речи представлены в форме авторского пересказа и только один элемент – в форме прямой цитации: *«<...> принесли телефонограмму отъ батальоннаго командира. <...> Въ ней сообщалось, что приказа объ отступленіи не будетъ; <...>»* [3, с. 13].

Нами выделено 19 контекстов с элементами газетных статей и сообщений. 14 из них представлены в авторском пересказе, а 5 – в форме прямой цитации: *«Но въ утреннихъ газетахъ, дѣйствительно, было сообщеніе, что русскій 20 корпусъ былъ окруженъ и взятъ цѣликомъ въ плѣнъ, <...>»* [3, с. 92]; *«Приведя это число, газета добавляла: «на будущихъ»*

мирных переговоров Россия должна будет особо поплатиться за такія ложныя сообщенія» [3, с. 177].

Элементы писем, документов, газетных статей также являются «ядерными» для мемуарного жанра. Такие элементы чужой речи выполняют несколько функций: 1) подтверждение достоверности описываемого; 2) создание образа эпохи; 3) генерализация частного опыта повествователя; 4) композиционно-структурное оформление мемуаров.

Важное место в структуре мемуарного произведения занимают **чужие рассказы, сообщения, слухи** и т. п. Элементы с отсылками к чужой речи в форме авторского пересказа, а также в форме косвенной речи выделены нами в 65 контекстах мемуарной повести «Плен»:

а) 32 контекста представляют собой отсылки к рассказам, сообщениям отдельных персонажей в форме авторского пересказа или в форме косвенной речи: *«Тогда то поручикъ Хановъ и разсказаль намъ о своихъ подземныхъ походахъ. По его словамъ, имъ совсѣмъ не угрожала опасность <...>»* [3, с. 184];

б) 2 контекста указывают на чужую речь неопределенных персонажей в форме косвенной речи: *«Черезъ нѣсколько дней мнѣ кто то сказалъ, что Хтова перевели изъ нашего лагеря <...>»* [3, с. 119 – 120];

в) 6 контекстов представляют собой отсылки к чужой речи определенных групп персонажей в форме авторского пересказа или в форме косвенной речи: *«Какъ мы уже знали отъ караульныхъ, это былъ гауптманъ изъ запаса <...>»* [3, с. 53];

г) 7 контекстов представлены в форме сложных синтаксических конструкций типа «говорили, что...», «сообщили, что...»: *Батальонный заняль, какъ говорили, помѣщичій домъ* [4, с. 10]; *«Сообщали также, что онъ (главный медицинскій инспекторъ – К.Е.) побывалъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ <...>»* [3, с. 95];

д) 5 контекстов представлены в форме сложной синтаксической конструкции, организованной по модели «оказалось, что...»: *«Оказалось, что онъ (Высотскій – К.Е.) былъ раненъ подъ Варшавой осколкомъ въ почку и на перевязочномъ пункт захваченъ въ плѣнъ»* [3, с. 87];

е) 8 контекстов отсылают к чужой речи, оформленной содержательно как слухи, домыслы: *«Дѣйствительно, часа черезъ два въ лагерѣ уже ходилъ слухъ о какомъ то большомъ прорывѣ <...>»* [3, с. 122]; *«Какъ за достовѣрный фактъ выдавали, что у одного плѣннаго, артиллериста-генерала, есть папка <...>»* [3, с. 79];

ж) 5 контекстов в форме авторского повествования не имеют явных отсылок к чужой речи, но из их содержания понятно, что представленная информация была получена автором от третьих лиц: *«Самымъ богатымъ банкиромъ считался одинъ вольноопредѣляющийся-сибирякъ. Бросивъ обязанности товарища прокурора, онъ поступилъ добровольцемъ въ одинъ изъ сибирскихъ полковъ. Командиръ полка сдѣлалъ его чѣмъ-то вродѣ личнаго секретаря. Нѣмецкая развѣдка захватила ихъ обоихъ <...>»* [3, с. 84].

Нами выделен 41 контекст с рассказами персонажей в прямой форме (в форме развернутых монологов): *«– Всю ночь не пришлось спать, – разсказывалъ Бабинъ. – Когда захватили насъ въ амбарѣ и привели въ комендатуру, то я подумалъ: составить протоколъ, ну и отпустить. А вмѣсто того, насъ отвели въ пустую комнату и поставили лицомъ къ стѣнѣ <...>»* [3, с. 98].

Большинство из представленных монологов (прежде всего, рассказы солдат) маркированы характерологическими особенностями речи персонажей: *«Григорій поднял глаза и закачалъ головой:*

– Бѣда, Ваше Благородіе, суцная бѣда! Сказать просто невозможно. Первое дѣло – голодъ. <...>, съ голоду народъ пухнетъ и мрутъ, какъ мухи. <...> Страсть, что народу гибнетъ. Тифа голодная пошла между плѣнными. Къ зимѣ насъ въ Кассель перевели; <...> Ваше Благородіе, сколько сраму то мы приняли: <...>, а мы оборванные, босые, у кого даже простите, и брюковъ нѣтъ <...>. 10 000 плѣнныхъ, баютъ, въ Касселѣ померло» [3, с. 57 – 58].

Кроме того, в исследуемом мемуарном тексте представлен один элемент с отсылкой к речи известной исторической личности в форме прямой цитации: «<...> *намекая этимъ на всѣмъ извѣстную фразу генерала Ренненкампа: «пусть мнѣ отрубятъ правую руку, если черезъ полгода мы не будемъ въ Берлинѣ»* [3, с. 41].

Отсылки к элементам чужой устной речи явно преобладают в исследуемом произведении в количественном отношении в сравнении с используемыми элементами чужой письменной речи. По нашему мнению, это свидетельствует о повышенном интересе писателя к личностям, с которыми он общался в описываемый период, а упоминаемые при этом общественно-политические и социальные события служат преимущественно фоном, своего рода обрамлением для изображения человеческих взаимоотношений. Кроме того, элементы с отсылками к рассказам персонажей в форме монологов правомерно отнести и к средствам беллетризации повествования, что позволяет прийти к выводу о синкретичном – документально-художественном – характере мемуарной повести «Плен».

Таким образом, в исследуемом мемуарном тексте последовательно представлены различные виды контекстно-вариативного членения, связанные с различными ипостасями адресанта. При этом чередование перечисленных контекстов опирается на определенные механизмы человеческой памяти. Процесс воспроизведения воспоминаний протекает в порядке следования от общего к частному: на фоне описания визуальных, повторяющихся действий либо на фоне констатации некоторых жизненных событий автора в мемуарное повествование вводятся нарративные контексты, передающие яркие, наиболее запомнившиеся случаи из прошлого. В мемуарной повести «Плен» В. Корсака не представлены экспликативные контексты, в то время как автосемантические композитивы и контексты с формами чужой речи встречаются повсеместно, что позволяет отнести эту особенность к явным индивидуально-стилистическим характеристикам авторской манеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
3. Корсакъ В. Плѣнь. Парижъ: Родникъ, 1927. 240 с.
4. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 422 с.
5. Николина Н.А. Филологический анализ текста. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.
6. Орлова Н.А. Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Омск, 2004. 212 л.
7. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. O teorii hudozhestvennoj rechi. M.: Vysshaja shkola, 1971. 239 s.
2. Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovanija. M.: Nauka, 1981. 139 s.
3. Korsak" V. Plѣn". Parizh": Rodnik", 1927. 240 s.
4. Nikolina N. A. Po`etika russoj avtobiograficheskoj prozy. M.: Flinta: Nauka, 2002. 422 s.
5. Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta. Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij. M.: Akademija, 2003. 256 s.
6. Orlova N.A. Rechevoj zhanr «memuary» i ego realizatsija v tekstah nositelej raznyh tipov rechevoj kul'tury: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Omsk, 2004. 212 l.
7. Shmid V. Narratologija. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 312 s.

Коваленко Екатерина Игоревна – преподаватель кафедры мировых языков факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Республика Беларусь). ORCID ID: 0000-0002-5546-8925, E-mail: katja.p92@mail.ru

(Статья поступила в редакцию 28 апреля 2021 г.)